
ОЛЬГА
ДАШКОВА
ЗАПРЕТНАЯ
Терапия

Ольга Дашкова
Запретная терапия

https://litres.ru/74744352
SelfPub; 2026

Аннотация

Я умею держать удар.

Умею молчать, когда молчание это единственная защита.

Умею не заикаться, даже когда внутри все горит.

Последнее перестало работать после одного простого вопроса.

Она не спрашивает лишнего, она просто смотрит так, что врать бесполезно.

По уставу – она врач, я пациент. Ничего больше.

По факту – с каждым днем все сложнее делать вид, что это правда.

Я сопротивлялся, как умел двадцать лет подряд.

Оказалось, что этого недостаточно, когда лечение оказывается запретом сильнее любого приказа.

ЗАПРЕТНАЯ ТЕРАПИЯ.

Та, что не прописана в протоколе.

Та, что лечит, ломая.

Та, без которой я больше не хочу выздоравливать.

7 книга из серии ОФИЦЕРЫ (можно читать отдельно)

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 9
Глава 3 15
Глава 4 22
Глава 5 27
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Ольга Дашкова
Запретная терапия

Глава 1

Гамлет

Если бы меня спросили, чем пахнет тревога, я бы не смог ответить с ходу.

А вот чем пахнет санаторий – это пожалуйста: хлоркой, компотом из сухофруктов и чужим терпением. Три запаха на входе, ни одного знакомого. Я стоял у стойки регистрации и уже понимал: это будут долгие три недели.

Дорога заняла шесть часов, и все шесть я молчал, глядя в окно на горы, которые становились все выше, а раздражение все гуще. Водитель за это время не сказал ни слова, чем заслужил мое уважение раз и навсегда.

– Рахимов, – представился я администратору, женщине в возрасте, чья прическа держалась, кажется, исключительно на честном слове и лаке из девяностых. – Рамиль Тимурович.

– Ой, у нас можно просто по имени, без отчества, мы же тут все на отдыхе, – она улыбнулась так широко, словно я был первым живым человеком за неделю.

– Можно, – согласился я. Спорить не было ни сил, ни желания.

Она полистала документы, задержалась взглядом на графе позывного, чуть подняла бровь и, кажется, сдержала вопрос. Не в первый раз замечаю эту реакцию, люди либо давятся смехом, либо делают вид, что ничего особенного не заметили, из вежливости.

Второе хуже. Я уже двадцать лет живу с этим позывным и давно перестал объяснять, откуда он взялся. Проще позволить людям придумать свою версию. Обычно у них получается интереснее, чем правда.

Палату дали на втором этаже, окна на сосны, санузел свой, что по армейским меркам почти роскошь. Разложил вещи за семь минут, пересчитал по привычке: форма, минимум гражданского, зарядка для телефона, документы.

Из лишнего была книга, которую сунул мне в дорогу друг с наказом «читать не по уставу хоть раз в жизни». Читать я, разумеется, не начал. Отложил ее на тумбочку рядом с направлением на реабилитацию, где черным по белому значилось: «контузия средней тяжести, посттравматическое расстройство адаптации, эмоциональная лабильность».

Красивые слова для простой вещи: голова гудит, сон плохой, а руки иногда сжимаются в кулаки раньше, чем я успеваю подумать зачем.

Спустился на территорию оценить местность, привычка, от которой не избавиться, даже если очень хочется. Два корпуса, столовая, беседка с шахматным столиком, где два деда рубились в свое удовольствие, не замечая никого вокруг.

Дорожки, скамейки, клумбы все как декорации мирной жизни, слишком аккуратные, чтобы быть настоящими.

И вдруг в коридоре главного корпуса мимо меня быстрым шагом прошла женщина в белом халате. Не заметила меня вовсе, шла с папкой под мышкой, глядя вперед сосредоточенно, словно опаздывала или спешила на встречу с кем-то важным.

Светлые волосы собраны заколкой сзади, одна прядь вилась у виска и явно раздражала ее саму, я успел заметить, как она машинально попыталась заправить ее за ухо, и у нее не получилось.

Обычная сцена. Врач куда-то спешит. Я бы забыл об этом через минуту, если бы не одна деталь: она прошла в трех шагах от меня и не окинула взглядом. Ни разу. Даже не скользнула.

За всю свою сознательную жизнь я привык к тому, что меня замечают. Рост, выправка, форма делают свое дело в любой толпе, и внешность, я вам скажу, яркая. А эта не заметила вовсе, будто я был частью интерьера вроде клумбы или скамейки.

Признаюсь, это меня задело. Мелко, по-детски, но задело.

Вечером в столовой выяснилось, что кормят вполне сносно. Гречка была настоящей гречкой, а не тем, что подают в госпитале под этим названием. За соседним столом двое обсуждали радикулит с таким азартом, будто речь шла о победе в чемпионате мира по футболу.

На выходе я забрал со стойки конверт с документами для завтрашнего приема у лечащего врача. Кинезиотерапевта, господи, название и не выговорить. Но рядом еще лежала папка с моей фамилией, написанной красивым почерком. Не стал ее трогать, я и так знаю, что там написано.

Да, Гамлет, сейчас ты реально попал по полной программе.

Да, моя позывной Гамлет. Кадровик, помнится, спрашивал, почему именно такой, я тогда ответил коротко: «Долгая история», он не стал уточнять, за что я был ему благодарен.

Не потому что стесняюсь. Просто объяснять это заново, в двадцатый, тридцатый, сотый раз – та еще пытка. Проще один раз соврать, что забыл, чем каждый раз вспоминать голос ротного, орущего в рацию: «Гамлет, повтори, прием!».

С такой интонацией, словно вот-вот лопнет от смеха, пока я, зеленый лейтенант, стоял с открытым ртом и молчал на три секунды дольше положенного, потому что вслух у меня вырвалась совершенно неуместная фраза.

С тех пор минуло двадцать три года, и за эти двадцать три года я ни разу не колебался ни в одном решении дольше секунды. Ирония в том, что позывной остался прежним, а человек – совершенно другим.

Не люблю иронию, когда она касается меня лично.

Вернулся в палату, лег поверх одеяла, не раздеваясь, и уставился в потолок. За окном тихо шумели сосны, где-то далеко хлопнула дверь корпуса. Санаторная тишина – это осо-

бый вид тишины, плотный, без единой зацепки для мозга.

На войне тишина хотя бы означает что-то конкретное: засаду или передышку. Здесь она означала только одно, что мне придется провести три недели наедине с собственной головой, а голова последние полгода – компания не из приятных.

Единственное, что зацепилось в памяти перед сном, была не гречка, не документы, не даже сам факт реабилитации. Прядь волос у виска, которая не желала укладываться, и женщина, которая прошла мимо, не заметив меня.

Обидно, если честно. Впервые за долгое время – обидно, а не привычно-безразлично.

Заснул с мыслью, что завтра к десяти утра меня ждет прием у кинезиотерапевта, фамилию которой я так и не запомнил. И почему-то был почти уверен, что запомню ее лицо быстрее, чем фамилию.

Глава 2

Алена

Утро началось с того, что кофе остыл быстрее, чем я успела его выпить, а телефон зазвонил быстрее, чем остыл кофе.

– Аленушка, доброе утро, – голос у Виктора всегда был таким, будто он звонит поздравить с праздником, даже когда речь идет о судебных бумагах. – Я подумал, может, встретимся на неделе? Обсудим квартиру спокойно, без юристов. Между нами же не было ничего криминального, зачем эта бюрократия?

– Виктор, все обсуждается через юристов. Мы так договаривались в прошлый раз.

– Мы договаривались в прошлый раз, что ты подумаешь. Ты подумала?

Посмотрела на кружку с остывшим кофе и подумала о том, что «подумать» в его словаре означает «согласиться со мной, просто чуть позже». За девять лет брака я выучила этот язык назубок, жаль, что выучить это не значит разлюбить на него отвечать раздражением каждый раз заново.

– Через юристов, Виктор. Вопрос закрыт, и мне нужно на прием, – сбросила звонок раньше, чем пока еще не бывший муж успел вставить еще одну фразу, начинающуюся с «между нами же».

Прикусила губу до боли. Заметила это за собой уже пост-

фактум, привычка, въевшаяся настолько, что срабатывает быстрее осознания. С Виктором спорить было дороже, чем молчать, вот тело и научилось молчать раньше головы. Полтора года прошло, а рефлекс остался, будто выключатель, который забыли демонтировать вместе с проводкой.

На работе меня встретила Маргарита с чашкой в одной руке и папкой в другой, что было редкое для нее утреннее равновесие сил.

– Новенький приехал вчера вечером, – сообщила она с порога, еще до «доброго утра». – Военный, спецназ. Трудный, злой, но красавчик. Все, как мы любим.

– Мы?

– Я люблю, ты делаешь вид, что не любишь. Я уважаю твою позицию, хоть и не разделяю.

Она положила папку на стол с торжественным видом, словно вручала мне орден, а не медкарту.

– Рахимов Рамиль Тимурович, сорок три года, – прочитала я вслух, привычно скользя взглядом по строчкам. Контузия, посттравматическое расстройство адаптации, рекомендованный курс кинезиотерапии. Обычная картина, ничего из ряда вон, кроме одной детали в самом верху анкеты, вписанной от руки.

Позывной: Гамлет.

Я моргнула и перечитала. Гамлет. Не Ястреб, не Шторм, не что-нибудь ожидаемо суровое, а датский принц с трагической рефлексией и монологом про «быть или не быть».

– Маргарита, ты это видела?

– Первое, что я увидела, – она наклонилась через мое плечо, глядя туда же. – Я уже минут десять пытаюсь придумать, кто из спецназовцев вообще читает Шекспира настолько внимательно, чтобы выбрать себе такое имя.

– Может, наоборот. Может, он его никогда не открывал, а позывной дали за нерешительность.

– Спецназовец с нерешительностью? – Маргарита фыркнула так, что чуть не пролила кофе на анкету нового пациента. – Алена, у меня муж двадцать лет ходит на рыбалку и до сих пор не решил, блесна или воблер, вот это нерешительность. А эти – они, по-моему, из тех людей, которые сначала стреляют, потом думают, было ли на это разрешение командования.

Я не смогла сдержать улыбку – впервые за все утро, что уже само по себе было маленьким достижением.

– Ладно, – сказала, закрывая папку, – прием в десять. Разберемся на месте.

– Разберись обязательно, – Маргарита выпрямилась и посмотрела на меня с выражением, которое я безошибочно читала за годы совместной работы: сейчас будет реплика, ради которой она вообще зашла. – И, кстати, я его видела вчера вечером в столовой.

– И как впечатление?

– Впечатление такое, что если Гамлет выглядит вот так, то я готова пересмотреть все школьное отношение к классике.

– Маргарита.

– Что? Я про литературу, – она невинно повела плечами и удалилась с чашкой, оставив меня наедине с папкой и предчувствием, что утро только начинается.

Прием был назначен на десять, и он пришел ровно в десять – не раньше, не позже, с военной пунктуальностью, которая у одних пациентов выдает железную дисциплину, а у других – попытку контролировать хоть что-то в жизни, где почти все вышло из-под контроля.

Мужчина вошел, огляделся коротким профессиональным взглядом, привычка, знакомая мне по десяткам таких же пациентов, сел напротив, не дожидаясь приглашения.

Высокий, плотный, с тяжелой размеренностью движений, что появляется у людей, привыкших нести вес снаряжения на себе. Взгляд прямой, без желания понравиться.

Я привыкла к таким лицам, они читаются как карта: сплошные укрепленные позиции, ни одного открытого участка.

– Рахимов, – представился коротко.

– Алена Дмитриевна, кинезиотерапевт. Как самочувствие?

– Нормально.

Классический ответ, классическая же за ним пустота.

Сделала пометку в карте и продолжила стандартный опрос: сон, головные боли, координация, – получая в ответ ровно столько слов, сколько требовалось, ни одним больше.

Он смотрел куда-то мимо меня – в окно, на сосны – все время, пока я говорила, и это меня не задевало. Я видела такую защиту у десятков мужчин его склада. Задевало другое: неожиданное, почти детское любопытство, засевшее где-то на периферии сознания с самого утра.

Не удержалась. Отложила ручку и спросила, будто между делом, почти без паузы после предыдущего вопроса про сон:

– А почему Гамлет?

Рамиль впервые посмотрел на меня за весь прием по-настоящему, не мимо и не сквозь. И на долю секунды, буквально на мгновение, что-то дрогнуло в его лице. Не мимика, а именно голос, он начал произносить фразу и споткнулся, будто наступил на невидимую ступеньку.

– Д-долгая история, – сказал и тут же, будто перезагрузившись, повторил ровно, без единого следа заминки: – Долгая история.

Не стала переспрашивать, хотя очень хотелось. Профессиональная выдержка взяла верх над любопытством – на этот раз.

Сделала вид, что не заметила его заикания, вернулась к карте, хотя рука уже сама тянулась к пометке на полях: *реакция на личный вопрос – задержка речи, немедленная компенсация.*

Интересная деталь. Не для истории болезни, если честно, а просто интересная.

Прием закончился, он ушел. Так же прямо, так же нето-

ропливо, как вошел. Я осталась сидеть, глядя на закрытую дверь и думая о том, что если у человека с таким лицом хоть на секунду срывается голос, то причина этому точно не мышечный тонус и не вестибулярные нарушения.

Прикусила губу. И тут же поймала себя на этом жесте во второй раз за утро, но по совершенно другому поводу.

Глава 3

Гамлет

Голос подвел меня на ровном месте, и это бесило больше, чем сама контузия.

Вышел из кабинета кинезиотерапевта и минут пять стоял в коридоре, глядя в окно, будто там было на что смотреть, кроме тех же сосен.

«Д-долгая история». Ты серьезно, Рахимов?

Два слова, одна запинка – и двадцать лет дисциплины пошли прахом за секунду, потому что женщина в белом халате спросила про идиотский позывной с таким же безобидным видом, с каким спрашивают про погоду. Так же, как у меня спрашивали про него сотни людей до нее и спросят еще сотни после.

На передовой у меня не срывался голос, когда рядом рвались мины. В штабе, докладывая генералу о потерях, я говорил ровно, слово за словом, будто зачитывал сводку погоды. А тут: санаторий, гречка с компотом, кабинет симпатиной докторши, и вот, пожалуйста, спотыкаюсь на собственном имени.

Раздражение требовало выхода, и я нашел ему применение. Устроил себе внеплановую пробежку вокруг территории, хотя врачи такое не одобряли. Плевать. Лучше сбить дыхание физически, чем позволить голове крутить одну и ту

же мысль по кругу.

Но потом оказалось, что санаторный день расписан плотнее, чем я ожидал: физиотерапия в одиннадцать, ЛФК в час, дыхательная гимнастика, от одного названия которой хотелось застрелиться, в три.

Персонал вежливый до приторности, разговаривали со мной, как с фарфоровой куклой. Аккуратно, с придыханием, будто я сейчас тресну от резкого слова.

Одна медсестра особенно старалась, приносила воду, спрашивала, не дует ли из окна, и на пятый раз я не выдержал и сказал прямо: не дует, спасибо, я контужен, а не парализован.

Женщина обиделась, я не стал извиняться, просто устал изображать вежливость там, где хватило бы обычной субординации.

На процедуру дыхательной гимнастики опоздал минут на пять, задержался у стенда с расписанием, пытаясь понять санаторную логику организации дня. И в кабинете меня встретила женщина лет, даже не могу сказать, сколько. Полная, с цветом волос, которого природа не предусматривала, и взглядом, каким смотрят на новобранцев старшины с тридцатилетним стажем.

– Ну наконец-то, – сказала она без всякого приветствия, окидывая меня взглядом с ног до головы, медленно, обстоятельно, как оценивают лошадь на ярмарке. – Рахимов, значит. Гамлет.

– Так точно, – сказал, уже понимая, что вежливость тут не пригодится, а прямота – пригодится вполне.

– Маргарита Степановна, старшая медсестра, – представилась она, продолжая разглядывать меня с нескрываемым выражением и интересом. – Знаете, а вам идет. Позывной, я имею в виду. Хотя я вас, честно говоря, представляла себе более... задумчивым.

– Обычно другие представляют. У меня не задумчивым получается редко.

– Вот! – она подняла палец с таким торжеством, словно я подтвердил гипотезу, над которой она билась годами. – А наша Алена Дмитриевна как раз все гадает, откуда позывной. Я ей говорю – спроси прямо, а она отнекивается, мол, неприлично лезть в душу к пациенту.

Я промолчал, и не потому что нечего было сказать, а потому что понял, к чему это ведет, и не собирался подыгрывать.

– Она вообще редко о ком-то так спрашивает, – добавила женщина, словно бросая наживку и наблюдая, клюнет ли рыба.

Не клюнул.

Кивнул, забрал полотенце и ушел на процедуру, оставив ее разочарованной моей несговорчивостью. Судя по ее взгляду в спину, разочарование было временным, эта женщина явно не привыкла сдаваться после первой неудачи.

День тянулся размеренно, скучно, по расписанию, именно так, как я ненавидел последние полгода: без адреналина, без

задачи, требующей мгновенного решения. Только процедуры, только чужая забота, к которой я не привык и не знал, куда ее девать.

Последним пунктом значился массаж, восемнадцать ноль-ноль, кабинет номер четыре. Вошел, ожидая увидеть очередного специалиста в белом халате, и увидел… Алену Дмитриевну.

– Добрый вечер, – сказала она, не поднимая взгляда от карты, – раздевайтесь до пояса, ложитесь на живот, лицом в отверстие.

Голос ровный, деловой, будто перед ней не мужчина, а очередная единица учета на конвейере санаторного лечения. Меня это, признаться, устроило, куда хуже было бы, начни она со мной сюсюкать, как медсестра с водой.

Лег. Кушетка оказалась узкой для моих габаритов, но жаловаться не стал. Она подошла, руки холодные. Первое прикосновение прошибло неожиданным разрядом, будто через кожу пропустили ток низкого напряжения. Начала с плеч, методично, профессионально, без единого лишнего движения.

– Дышите свободно, не задерживайте. Где особенно тянет?

– Здесь, – показал на область под левой лопаткой, где после контузии до сих пор скручивало мышцы в узел размером с кулак.

Она нашла точку сразу, без промаха, и надавила так, что

я едва сдержал вдох сквозь зубы.

– Работаю с триггерными точками, – пояснила Алена Дмитриевна, продолжая разминать. – Это не просто расслабление мышц, это работа с болевым паттерном, который тело выучило и повторяет само по себе. У вас, судя по карте, посттравматический мышечный гипертонус – тело держит напряжение так, будто опасность еще не миновала, хотя разумом вы это понимаете.

– Разумом понимаю, – согласился в кушетку. – Телу, видимо, справку не показали.

Она коротко, невольно хмыкнула, явно не планировала реагировать на мой юмор, но не сдержалась.

– Как спите? – спросила через минуту, переходя к шее.

– Нормально.

– Это ответ или отговорка?

Вопрос застал врасплох точностью формулировки. Никто до нее так прямо не переспрашивал мой стандартный ответ «нормально», которым я отбивался от врачей последние полгода.

– Отговорка, – признался я, сам удивившись, что ответил честно.

– Так и запишем, – в голосе прозвучало что-то похожее на одобрение, хотя она ничего не записывала в этот момент, руки ее были заняты моей шеей.

Некоторое время она молчала, работая методично, а я пытался вспомнить, когда в последний раз лежал вот так, без-

защитно, лицом вниз, доверяя чьим-то рукам собственное тело. Получалось плохо: вспомнить не получалось, а расслабиться и подавно.

– А про позывной вы все-таки не расскажете? – спросила вдруг, будто между делом, тем же тоном, каким минуту назад спрашивала про качество сна.

Челюсти сжались раньше, чем я успел это осознать.

– Долгая история, – отрезал жестче, чем требовал вопрос, жестче, чем требовала ситуация вообще. Руки ее на секунду замерли на моих плечах, почувствовала перемену, не могла не почувствовать.

– Хорошо, – сказала она без обиды и без дальнейших расспросов и продолжила массаж, будто ничего не произошло.

Именно это простое «хорошо», без попытки надавить, без раздражения на мою резкость зацепило больше, чем сам вопрос. Она не отступила из страха, не отступила из равнодушия. Отступила потому, что уважала границу, которую я обозначил слишком грубо для простого разговора о рабочем вопросе.

Лежал молча остаток процедуры, слушая ее дыхание, ровное, спокойное, и думал о том, что за один день эта женщина дважды пробила броню, которую я двадцать лет считал несокрушимой.

Один раз – вопросом. Второй – тем, что не стала настаивать на ответе.

Ни то, ни другое не должно было работать. И оба срабо-

тали.

Когда встал с кушетки и одевался, она мыла руки у раковины, стоя спиной ко мне, и я поймал себя на том, что разглядываю ее так, как не разглядывал ни одну женщину за последние года два.

Не оценивающе, а с каким-то раздражающим меня самого любопытством: что в ней такого, черт возьми, что заставляет меня, человека, разучившегося нервничать по собственной воле, снова заикаться на пустом месте?

Ответа не было. И это раздражало сильнее всего остального за целый день.

Глава 4

Алена

После Рамиля кабинет еще минут пять пах его одеколоном и чем-то тревожным, что не имело запаха вовсе.

Мыла руки дольше, чем требовалось, глядя в зеркало над раковиной, и прокручивала в голове его последнее «долгая история» – не сами слова, а тон, каким он это сказал. Резче, чем нужно. Резче, чем заслуживал вопрос про какой-то там позывной.

Знакомое ощущение царапнуло где-то под ребрами прежде, чем я успела его назвать. Такой тон я слышала годами. Такой тон означал: тема закрыта, и если ты умная, ты не станешь возвращаться к ней снова, потому что в следующий раз разговор уже не ограничится словами.

Резко выключила воду.

«Приехали», – подумала. Один рабочий день, один пациент, и я уже раскладываю его по знакомой матрице, где резкость равна опасности, а короткий ответ равен предупреждению.

Только вот что-то в этой матрице не сходилось, и додумывать пришлось, вытирая руки о полотенце, глядя не в зеркало, а куда-то сквозь него.

Виктор после такого тона не замолкал. Виктор дожимал. Если я решала не отвечать сразу, следовала пауза, за ней –

вопрос с нажимом, за ним – еще один.

Пока я либо не сдавалась и не говорила то, что он хотел услышать, либо не срывалась сама, что было хуже всего, потому что тогда виноватой оказывалась я – та, кто «устроила скандал на пустом месте».

Рамиль сказал *«долгая история»* и замолчал.

Не потребовал, чтобы я перестала спрашивать. Не наказал за вопрос последующим холодом на весь оставшийся прием. Просто ушел в себя на секунду и вернулся, будто ничего не случилось.

И когда я произнесла свое нейтральное «хорошо», он не стал проверять, не издевка ли это, не стал допытываться, что я имею в виду.

Он просто позволил мне отступить. И сам отступил вместе со мной, на одну и ту же дистанцию, без карательных мер за то, что дистанция вообще возникла.

Поняла, что это не одно и то же, вешая полотенце обратно на крючок. Резкость не всегда угроза. Иногда это просто резкость, без продолжения, без счета, который потом предъявят.

Мысль была настолько чуждой моему привычному способу мыслить, что я не была уверена, доверяю ли я ей или просто хочу верить, потому что мужчина с такими плечами и шрамами на теле, с таким прямым взглядом мне понравился больше, чем следовало бы понравиться пациенту в первый рабочий день знакомства.

Вечер начался спокойно, что было редкостью последних месяцев. Поужинала одна дома, посмотрела вполглаза какой-то сериал, не запоминая сюжет, и как раз собиралась лечь пораньше, когда телефон завибрировал на тумбочке.

Виктор:*«Аленушка, я все же составил документы по-другому. Юрист твой явно накручивает лишнее, я предлагаю встретиться и обсудить без адвокатов. Квартира все-таки общая, ты же не хочешь все усложнять?»*

Прочитала дважды. Хотела не отвечать вовсе, это был самый простой выход, но знала по опыту: молчание он воспринимал как согласие подумать, а «подумать» через неделю превращалось в его версию событий, в которой я якобы «сама предложила» встретиться без юристов.

«Все вопросы через юристов, Виктор. Как договаривались».

Ответ пришел почти сразу, будто он ждал у экрана.

«Ты стала такой холодной. Раньше умела разговаривать по-человечески».

Отложила телефон на тумбочку экраном вниз, будто это могло остановить входящие сообщения физически. Не остановило, через минуту телефон снова завибрировал, но я уже не стала смотреть.

Прикусила губу и разозлилась на саму себя за этот жест сильнее, чем на само сообщение. Полтора года прошло. Полтора года, а тело до сих пор реагирует на его слова быстрее, чем голова успевает сказать: он манипулирует, это не про хо-

лодность, это про контроль.

На следующий день в ординаторской за чаем Маргарита заметила мое настроение и припухшие глаза раньше, чем я успела скрыть их за чашкой.

– Виктор звонил?

– Как ты всегда угадываешь?

– У тебя лицо становится таким, будто ты сдаешь экзамен, который заведомо завалила, – она пододвинула ко мне вазочку с печеньем, свой универсальный метод утешения. – Что на этот раз? Квартира?

– Квартира. И то, что я «стала холодной».

Не стала говорить про ночной звонок и про угрозы, честно – было стыдно. Маргарита фыркнула так выразительно, что чай в ее чашке колыхнулся.

– Холодной. Он бы видел тебя вчера с новеньким, вот там ты была холодная, я сама наблюдала через щелку в двери. Профессиональная ледышка, а потом я позвонила Ксюше, та аж заслушалась.

– Маргарита.

– Что? Я комплимент делаю, – она отпила чай, и на секунду шутливость сошла с ее лица, оставив что-то более серьезное, что бывало у нее редко и всегда некстати метко. – Знаешь, что я думаю на самом деле? Ты давно уже путаешь тишину с безопасностью. Молчишь – значит, ничего плохого не происходит. А молчание, милая моя, штука такая: оно и правда безопасное. Только жить в нем нельзя. Долго не про-

живешь, задохнешься.

Хотела отшутиться, но не нашла подходящей фразы, а Маргарита, будто почувствовав, что сказала достаточно, уже вернулась к своему обычному тону:

– Ладно, я не буду сейчас в психолога играть, это не моя специальность. Моя специальность – сплетни и снабжение отделения печеньем. Кстати, – она подмигнула, снова становясь собой, – как там позывной Гамлет? Признался хоть немного?

– Не признался.

– Значит, будет еще повод спросить.

Не ответила, но мысль эта – «будет еще повод» – задержалась во мне дольше, чем следовало обычному рабочему разговору.

Еще вчера вечером, составляя расписание на завтра, наткнулась взглядом на десять утра, где значилось: *Рахимов Р.Т. – контроль динамики.* Стандартная запись, ничего личного, обычный пункт плана.

И все-таки, глядя на эту строчку, поймала себя на том, что внутри что-то тихо, без спроса шевельнулось. Нет, не тревога, не рабочая рутина, а что-то похожее на предвкушение, которое я поспешила тут же назвать профессиональным интересом к сложному случаю.

Назвала – и сама себе не поверила.

Глава 5

Гамлет

Сон начался без предупреждения, как начинается все, что потом бьет сильнее обычного.

Свет был неправильный: слишком мягкий, слишком теплый, словно кто-то специально прибавил насыщенности в старую пленку. Трава под ногами доходила до колен, где-то за спиной шумела река, которой я никогда в жизни не видел, а впереди в летнем платье цвета выцветшего неба шла… Алена.

Она обернулась и улыбнулась. Но не той сдержанной полуулыбкой, которую я успел изучить за один прием, а открыто, всем лицом, будто ей нечего было скрывать и не от кого защищаться.

Волосы распущены, ветер трепал их так, что несколько прядей падали на лицо, и она их не убирала, просто смеялась сквозь них.

Пошел за ней, ноги двигались медленнее, чем требовалось, во сне действовали другие законы физики – те, где догонять желанное всегда чуть-чуть дольше, чем хочется. Догнал. Обнял за талию, почувствовал под ладонями тонкую ткань платья, тепло тела сквозь нее и наклонился, чтобы поцеловать.

Она уклонилась в последний момент, но не убегая, а

именно уклоняясь, как уклоняются в игре, где обе стороны знают правила и обеим нравится их нарушать чуть позже. Рассмеялась мне в плечо, счастливая до какой-то нереальной, режущей глаза степени, что это счастье передавалось мне.

Проснулся с этим смехом еще в ушах.

Сердце колотилось, лежал неподвижно на узкой санаторной кровати. Тело реагировало недвусмысленно, и я минуту лежал, глядя в потолок, пытаясь понять, что вообще произошло, потому что произошедшее не укладывалось ни в одну известную мне категорию.

Мне никогда не снились женщины.

Никогда. И это я знаю точно, я бы помнил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.